

Кругом один обман

НЕВЕЗУЧАЯ ФИМА

Однажды утром в моем доме раздался телефонный звонок, и приятный женский голос произнес:

- Можно попросить госпожу Токареву?
- Госпожа слушает.
- Здравствуйте.
- Здравствуйте. С кем я говорю?
- Вы меня не знаете. Я хотела бы с вами встретиться.

- Зачем?
- Ну, встретиться...
- А вы кто?
- Я? Массажистка Серафима Волкова.
- А где вы взяли мой телефон?
- Это не трудно. Вы же не Пугачева.

Ответ исчерпывающий.

- А что вы хотите? — спросила я.
- Ничего. Просто познакомиться, и все.
- Я массажей не делаю.
- Почему?
- Не люблю.
- Ну и не делайте. Никто не заставляет.

Если бы я захотела сделать курс массажа, я взяла бы человека по рекомендации, а не первого попавшегося, неизвестно кого.

— Я сейчас занята, — сказала я. — Позвоните летом.

Настало лето. Серафима позвонила и напомнила о себе.

— Позвоните зимой, — сказала я.

Она позвонила зимой. Я перенесла на весну. Она позвонила весной. Мне стало ясно, что легче встретиться, чем отвязаться.

Можно, конечно, сказать: перестаньте звонить. Но это грубо. У меня испортится настроение, и я целый день буду переживать и пережевывать эту ситуацию. Я встречалась с унижением и знаю, что это такое. Лучше этого не знать.

Я тяжело вздохнула и сказала:

— Ну, приходите...

В конце концов, я потеряю два-три часа. Ничего не случится, и от меня не убудет. Познакомлюсь с массажисткой Серафимой. Каждый человек чем-то интересен. Каждый человек — материал.

Серафима пришла. Явилась не запылилась.

Я смотрела, как она идет от калитки к моему дому. Высокая, стройная, с идеальной фигурой. Сиськи наружу. Тело играет и поет — буквально симфония.

Она подошла ближе — некрасивая, с идеальной кожей. Нос грушей, выражение лица нахальное. Ни единой морщинки, как на рекламе. Но возраст все равно проступает: сорок — сорок пять. Это, конечно же, молодость. Однако уходящая.

— Я Серафима. — Она протянула руку. — Можно Фима.

— А почему не Сима? — удивилась я.
— Сима — еврейское имя.
— А Фима, по-вашему, какое?
— Какое?
— Еврейское и мужское. Ефим. Половина евреев — Фимы.

— Ну не знаю. Я привыкла. Мне, вообще-то, все равно.

А мне тем более.

Я предложила Фиме кофе. Мы сидели на террасе и беседовали о том о сем. Практически ни о чем. О чем могут говорить незнакомые люди? Фима спрашивала, кто на ком женат в мире шоу-бизнеса. Я отвечала, при этом пыталась понять: зачем она приехала? Что ей от меня нужно? Узнать, кто муж у Лолиты Милявской?

Далее Фима предложила сделать мне массаж. Не дожидаясь моего согласия, разложила на столе баночки, скляночки, встала так, как ей удобно, посадила меня как положено и принялась за массаж. Ее пальцы летали по моему лицу, как у пианиста по клавишам. Прикосновения были легкие, профессиональные. Я поняла: она хорошая массажистка. И еще я поняла, что массаж — это аванс. Она что-то от меня хочет.

Фима не любила молчать. Она стала рассказывать мне историю своей любви. И тогда я догадалась: Фима мечтает иметь повесть о своей любви. Пусть будет книга — летопись ее жизни. Обидно, если ее история канет бесследно. А книга — это как бы скрижали на камне, как заповеди, данные Моисею.

Мне ничего не оставалось, как слушать.

Сюжет таков: Фима влюбилась в Мишу. Фиме было двадцать пять, Мише сорок.

Она влюбилась в него с первого взгляда, любовь стала подниматься в ней, как вскипевшее молоко. И Миша влюбился с первого взгляда. И это было заметно. Они стояли друг против друга с вытаращенными глазами, и любовь творила в них свою божественную химию.

Неприятно было то, что рядом с Фимой в этот момент стоял ее муж Веня. Кстати, Веня их и познакомил на свою голову.

Миша — небольшой начальник, и Фиме от него было что-то надо. Наверное, хорошее рабочее место. У Фимы такой характер, что ей постоянно что-то от кого-то надо, поскольку трудно пробиваться в жизни одной, без поддержки.

Муж Веня — никчемушник. Ему все неудобно. Он берет только то, что ему дает государство. А у государства можно только своровать. Само оно ничего не дает. И государству никогда не стыдно. Спрашивается, чего ждать? Надо идти рогом вперед и не стесняться.

Массажист полностью зависит от клиента. А клиенты разные. В профсоюзном санатории клиент — нищий пенсионер, а в салоне красоты — у клиента денег как у дурака махорки.

Фима пришла к Мише за теплым местом, и она его получила вместе с любовью.

Любовь образовалась настоящая, всепожирающая, страстная. Костер до неба. На этом огне сто-

рел бедный Веня, и ребенок, общий с Веней, остался без отца. Но это — деталь. Главное — ответное чувство.

После любви Фима засыпала на Мишином плече. Раньше она не представляла себе, что значит спать на мужском плече? Жестко, неудобно, из подмышки воняет конем, изо рта — запах от пищевода, что за радость? А с Мишей... плечо бархатное, от тела пахнет сухим сеном, дыхание легкое, как у ребенка, как утро в розовом саду. А все дело в чувстве. Любимые пахнут легко и благоуханно. А нелюбимые — воняют. Вот и весь секрет.

Рядом с Мишей Фима поняла: что такое отдаваться. Раньше было непонятно: как это — отдавать себя? А теперь понятно: на! бери! всю! Вместе с жизнью. Ничего не жалко. И не смотрела вперед. Никогда не разговаривали о том, что будет дальше. Фима выгнала мужа, пошла на жертву, и немалую. Раньше ее статус: замужняя женщина, а сейчас — любовница женатого человека. Никакого уважения в обществе, более того — презрение. Всем ведь не расскажешь про чувство, про то, какое счастье быть в объятьях любимого и какая нежность распускается потом и окутывает, как облако.

Об умном не разговаривали. А зачем? Ведь не на семинаре и не на курсах повышения квалификации. Когда любишь, можно не разговаривать словами. Все тело говорит, и взгляды, и молчание — все наполнено смыслом. Слова только мешают и замусоривают.

Миша был женат, имел сына Костю. Он звал его «котик». Миша обожал своего Котика, и было за что. Мальчик — нечеловечески красив, судя по фотографиям, нервный, непростой. Ненавидел учебу, и получалось: если Миша уйдет из семьи, Котик сломается и перестанет ходить в школу, сойдет с резьбы. Жена с ним не справится, поскольку не имеет авторитета. Из всего вышесказанного следует, что Миша не может уйти из семьи до тех пор, пока Котик не кончит школу и не поступит в институт.

— А потом? — спросила Фима.

— А потом я свободен. Я буду только твой.

— Ты и сейчас только мой, — говорила Фима и была права.

Миша часто оставался у нее ночевать. Жена, без авторитета, но с громким голосом, закатывала скандалы, даже истерики с битьем посуды. Пришлось три раза покупать новый обеденный сервиз.

Иногда она тихо плакала, это было душераздирающее зрелище. Истерика — все-таки спектакль. Действие. А тихие слезы — это горе и безнадежность. Котику было жалко маму. Он обнимал ее и говорил: «Мамочка, не плачь. Я вырасту и женюсь на тебе».

Котик вырос. Кончил школу. Поступил в институт. И заболел.

Врач объяснил Мише, что эпилепсия — заболевание не психическое, а неврологическое. У эпилептиков во время приступа происходит озарение. Они видят, как устроена Вселенная. Им открывается Божий замысел. Но когда приступ заканчи-

ваются, они ничего не помнят. Природа скрывает свою главную тайну.

— Если не помнят, какой смысл в эпилепсии? — спросил Миша.

— От армии освободят, — сказал врач.

— Только и всего?

— Нет, не только. Нельзя работать учителем, врачом и артистом.

А Котик как раз хотел быть артистом, у него находили способности. Готовый герой-любовник с реальной перспективой. Красота — редкость. Красивых мало. Талантливых сколько угодно, а вот красивых и талантливых одновременно днем с огнем не найдешь.

Миша вернулся домой, его лицо было черным. Хоть бери да вешайся. Жена сухо сказала:

— Вот результат твоей двойной грязной жизни. Скажи спасибо своей массажистке.

Миша внутренне согласился с упреком. Его накрыл комплекс вины. Да. Это он виноват. Котику нужен был отец, мужское влияние, контроль, а он, Миша, в это время намеревался уйти из семьи и воспитывать чужого сына.

Миша переменялся. Фима его не узнавала. Как будто льдина, на которой они стояли, раскололась на две части и разъехалась. Расстояние росло. Не перескочить.

Фима пыталась сочувствовать.

— Как жаль, — говорила она. — Судьба жестока, бьет по самому дорогому, по детям.

— Перестань кликушествовать! — обрывал Миша. — Я же все-таки отец, поймей такт...

Тогда Фима меняла политику, пыталась успокоить.

— Все будет хорошо, — обещала она. — Дети трудно растут, но в конце концов все перемелется, мука будет.

— Хорошо тебе говорить, когда твой сын здоров, как бык. А если бы ты пришла в «палату № 6» и увидела своего сына среди сумасшедших и его бы лечили инсулиновыми шоками...

Фима пугалась, бог с тобой, что ты такое говоришь...

Миша, конечно же, был не виноват в болезни сына. Сколько мужчин живут двойной жизнью, практически девяносто процентов населения, но дети не заболевают. Здесь дело в чем-то другом, Котику мог достаться испорченный ген. Но Миша не хотел слушать. Он был зол на судьбу. Миша себя любил. Он был везунок, избалованный женским вниманием, его страстно любили: мать, жена, любовница, он купался в любви, и вдруг судьба дала ему пинок под зад — цинично и больно, и у прохожих на виду.

Миша стал мрачный и мстительный. Ему тоже хотелось дать пинок под зад всем подряд, включая Фиму.

Фима увидела нового Мишу и поняла: его не вернуть. У Фимы была своя врожденная гордость, она не хотела тратить время на человека, которому она не интересна. И Фима — тихо, бочком, бочком в сторону от Миши. Если бы она могла что-то изменить — изменила бы, но она ничего не могла,

только рыдать, осыпать упреками и проклинать свою участь — вот уж бессмысленное занятие.

Любовь ушла из Миши. Так бывает. Никто не виноват. А новый Миша ей неподвластен.

Настоящее — не интересно, будущее — отсутствует, его просто нет. Чего, спрашивается, ловить?

Жалко упущенное время? Да нет, не жалко. Было хорошо. Было неповторимо. Единственное, что плохо — осложнение от прошлой любви. Полная душевная немота. Все выгорело. Никто не нравится. А время бежит. Уже сорок пять. Последний вагон. Вокруг — никого достойного. Все норовят проехаться за ее счет, потрахаться на халяву. А где настоящие мужчины — надежные, умные и скромные? Где они?

Мне стало ясно, зачем приехала Фима. Она решила: если я творческая единица, вокруг меня должны быть интересные люди, в том числе скромные и надежные, и можно выловить крупную рыбу, писателя, например, или из шоу-бизнеса. Пусть даже не очень крупную, просто непьющего мужичка, который будет ее содержать, ласкать и заботиться.

О! Мечта одиноких женщин. Хочется завывать от тоски.

Мне стало жалко Фиму. Чем я могу помочь? Вокруг меня, конечно, существует какой-то круг, но все стоящие мужчины разобраны. Свободны только голубые, но они годятся исключительно для дружбы, для высоких бесед. Фиме высокие

беседы ни к чему. Ей нужен полноценный секс и материальное обеспечение.

Я вспомнила, что через неделю будет отмечаться торжественная дата: столетие «Огонька». Состоится высокий съезд гостей. У меня есть приглашение на два лица. Можно взять Фиму, и пусть она там выловит себе из литературного и политического водоема какую-нибудь полуживую доверчивую рыбку.

Обычно на таких сборищах мужики шарят глазами во все стороны в поисках случайных связей и настоящей любви. Как повезет. А женщины стоят в боевом оперении и ждут с нетерпением. И тоже шарят глазами. Жизнь — это непрекращающийся шанс. Надо уметь использовать. Под лежачий камень вода не течет.

Лично я, как правило, скромно пребываю в углу и смотрю: в какой хлам превратилось мое поколение. Каждый думает про себя, что он никогда не постареет и не умрет. Но стареет как маленький, поскольку природа — непрекращающаяся эволюция, а эволюции выгодно обновлять поколения.

Некоторые стареют красиво. Бондарчук, например. Был простоватый, щекастый. А стал — пророк: худой, длинные седые волосы, пронизывающий взгляд мудреца. Женщины, как правило, просто вянут. Уходит сверкание молодости.

Хорошо выглядят верующие. У них спокойные лица, лишённые суеты. Они знают главное, сокрытое от остальных.

Короче, я пригласила Фиму на большой праздник. У нее глаза прыгнули на лоб от радости. Значит, я точно разгадала ее планы и намерения.

В назначенное время мы прибыли к месту. Я сейчас не помню, где именно это происходило. Помню только огромный зал, где перемещались потоки людей. Мужчины все в черных костюмах и накрахмаленных рубашках под галстук. Женщины — кто во что горазд. Большинство в маленьких черных платьях, подчеркивающих фигуру и дорожную бижутерию.

Фима надела поверх платья меха из перьев. Абсолютная Кабирия из фильма Феллини. Выглядела она неприлично, но что поделаешь. Уже ничего не поделаешь.

Ко мне подошла моя ближайшая подруга Фаина, известная актриса. Тихо спросила:

— Что это за чудо с перьями?

— Это Фима, — ответила я.

— А ты не видишь, что она проститутка?

— Нет. Не вижу. Просто у человека другой вкус.

— Фима... Что это за имя? Ефимья?

— Серафима, — уточнила я. — А разве есть такое имя: Ефимья?

— Конечно. В святцах записано. Русское имя, ушедшее из употребления.

Фаина отошла стремительно, у нее были свои неотложные дела.

Фаина добывала себе работу, как голодный медведь после спячки добывает себе еду. Шла напролом и жрала все, что попадалось. Что же делать?

Зависимая профессия. Актриса вынуждена предлагать себя, как проститутка на вокзале (если она не звезда, конечно). Казалось бы: плюнь на все и не работай. Но талант... Он давит. Гонит. Талант — это дополнительная энергия, которая требует выхода. Но ведь не будешь играть сам себе перед зеркалом в пустой комнате. Нужен зал. Зрители. Аплодисменты.

Я смотрела, как моя подруга подскочила к номенклатурному чиновнику, стала что-то энергично произносить. Ее челюсти гуляли вверх-вниз, как у собаки. Я видела ее в профиль. Издалека казалось, что она лает: гав-гав-гав. Номенклатурный мужик смотрел перепуганно, может быть, боялся, что она его укусит.

Ко мне приблизилась дочь президента Ельцина и сказала:

— Я ваша поклонница.

Примерно то же самое сказал Плеханов Горькому на каком-то съезде.

— А я ваша, — ответила я.

— Да-а-а-а? — удивилась Татьяна. Это длинное детское «а» сделало ее милой и человеческой. Все-таки принцесса, могла быть слегка надменной, разговаривать сверху вниз. Татьяна общалась на равных. Общение было коротким, точечным.

Я нашла Фаину и похвасталась:

— Ко мне подходила принцесса.

— Это потому, что президент уходит в отставку, — объяснила Фаина. — Семья теряет власть. Вот она и подошла. А так бы — фиг она к тебе подошла.

Я не поняла прямой связи между этими двумя фактами. Моей поклонницей можно быть независимо от положения отца. Фаина не выносит моего успеха и тут же старается его обесценить. Я тоже не остаюсь в долгу, так что мы стоим друг друга.

Фаина повернула голову. Кого-то заметила. Метнулась в сторону, прорезая толпу. Я вспомнила чеховскую фразу из рассказа «Ионыч»: «Сколько хлопот, однако».

Фима тем временем прочесывала мужские ряды. Она не стояла возле меня неотлучно, и тем самым не грузила и не напрягала. Я чувствовала себя легко и свободно, что очень важно на таких мероприятиях.

Ко мне подошло знакомое лицо. Политик. Я часто видела его по телевизору. Довольно молодой, яркий, с примесью татарской крови.

Я люблю внешность с примесью, с любовью.

— Я поклонник вашего таланта, — сказал Политик.

— Докажите, — отозвалась я.

— Как? — Он удивился.

— Дайте мне президентскую пенсию.

— Надбавку, — поправил он.

— Можно надбавку, — согласилась я.

— Мы даем, когда человеку сто лет, а вам сорок, самое большое.

— Мне как раз сто, просто я хорошо выгляжу.

Политик посмотрел на меня пристально.

Мне в этом году исполнилось пятьдесят пять — пенсионный возраст. В пушкинские времена пять-

десять пять лет — глубокая старость. Матери Татьяны Лариной было тридцать семь лет, и у нее были две дочери невесты. А сейчас в тридцать семь лет — сами невесты. А пятьдесят пять лет — расцвет, когда форма совпадает с содержанием. Раньше отставало содержание, позже начнутся проблемы с формой. А в пятьдесят пять лет — все слито воедино. Я стояла перед Политиком в коралловом пиджачке — зрелая, как созревший фрукт, но не перезрелая, веселая и умная. Замечательное сочетание.

— Я попробую, — пообещал Политик. — Я вам позвоню.

— Я дам телефон... — Я торопливо достала из сумки ручку, записала на приглашении.

Политик взял приглашение с моим телефоном.

К нам приблизилась Фаина.

— Не приставай к человеку, — приказала она. — Не задерживай.

— А твое какое дело?

— Меня попросили.

— Кто?

— Ну, попросили...

Очень может быть. В зале было много властей предержавших, на них бесцеремонно накидывались приглашенные гости и решали свои деловые проблемы. Специально обученные люди следили за поведением гостей и пытались обезвредить наиболее навязчивых. Ко мне они подослали подругу. Это более деликатный ход, чем подойти самим и сделать замечание. Я ведь могу и обидеться.